

Секция

«Проектирование моделей территориального развития»

Модератор Макушева Мария: Еще раз доброе утро всем! Спасибо, что пришли на нашу секцию. Меня зовут Мария Макушева. Это Алексей Фирсов. Мы программные директора секции проектирования моделей территориального развития. Будем говорить о проектах, стратегиях, и об исследованиях, которые нужны или не нужны для успешного развития территорий. И в начале секции я хочу дать слово Алексею Фирсову, чтобы он обозначил фокус нашего интереса, по фактам рассказал о нашей концепции проектирования.

Фирсов Алексей: Добрый день, друзья. Я совсем не являюсь человеком, который разрабатывает стратегии в полноценном смысле. Но так получилось, что мы достаточно много работаем как раз на стыке исследовательских практик и консалтинговых продуктов, которые так или иначе влияют на разработку стратегии. По крайней мере, дают для них ценный материал.

И собственно, наша идея заключалась в том – рыночная идея, можно сказать, - конвертация социологических продуктов как раз в консалтинговые. Мы в рамках этого как раз и создавали свою команду в свое время. Поэтому когда было объявлено, что тема нынешней Грушинской конференции «Социальное проектирование», мы с энтузиазмом вошли в структуру этой конференции.

На мой взгляд, когда мы говорим о территориях в нынешнем плане, на нынешней волне разработки каких-то программных продуктов для территории мы видим огромное пространство для социологии, оно открывается. Оно не до конца осознанно, не до конца фиксировано, но совершенно точно на него существует запрос, такой неосознанный, конечно, который нужно еще вытащить, помочь оформить предполагаемым контрагентам. Но связано это вот с чем. До какого-то момента разработка, и на нынешнем этапе тоже, разработка территориальных стратегий носила если не кабинетный характер, то характер работы западных команд, которые создавали некий концепт, некое видение внутри достаточно ограниченного круга лиц. А затем происходила некая процедура: это либо внедрение, но это было внедрение вертикальное такое. То есть приходили люди и говорили: у нас есть понимание, у нас есть видение и знание, мы будем внедрять это всё.

Нужна ли здесь была социология? Да, она была нужна. Но, скорее носила либо такой чисто поддерживающий характер, либо обоснование решений. Причем эти решения часто уже были приняты, но нуждались в какой-то достаточно красивой упаковке, чтобы показать, что они опираются на какую-то реальную социальную ситуацию. Либо, может быть, комментирование, какие-то поддержки, но уж точно не выступала в качестве какой-то основной роли.

Хорошо было показать, что какие-то заключения стратегов строятся и опираются на какие-то тенденции в социуме. Да, это было точно. Но социум принимался как некая статичная единица, которую можно было описать и состыковать с теми заключениями, которые в этой стратегии прописывались.

Либо второй вариант, еще более распространенный – стратегия жила своей параллельной жизнью в виде презентации, документа какого-то в каком-то формате. А операционная жизнь развивалась по-своему.

Наверное, в значительной мере сейчас та же самая картина. Но наметились какие-то тенденции в её изменении. Таким стимулом послужила мода на работу с сообществами, на вовлечение, на осознание того, что вроде бы стейкхолдером стратегии является вовсе не муниципальная власть или региональная власть, а население территории, сообщества, которые там проживают. И надо бы их привлекать на какой-то стадии в разработку стратегии. Отчасти это, конечно, обусловлено еще той зоной неопределенности, в которой мы находимся, теми социальными дефицитами, которые возникают, когда ресурсов уже не хватает и не нужно что-то делать для того, чтобы вовлечь разных контрагентов, которые живут на территории, как раз в процессы развития.

И что здесь происходит, в общем-то? Да, это идея, которая вброшена, она начинает тестироваться в отдельных регионах в формате вовлечения разных сообществ в разработку на самой ранней стадии, в организацию диалога. Формируется модель, при которой стратегия не создается в замкнутом штабе, а начинает считываться через взаимодействие разных социальных групп, которые проживают на территории региона. Этот процесс нуждается в модерировании, конечно, где модератором в ряде случаев выступает власть. И модерирование не всегда удачное. Но тем не менее, мы видим первые попытки того, чтобы вовлечь общество в разработку стратегии, и таким образом как бы поднять ее на уровень концептуального осмысления через вот эти процедуры взаимодействия. Возникает такая игровая модель, когда мы не знаем заранее, к чему мы придем, мы пытаемся считать эти запросы, и дальше их уже оформить.

Вот в таком подходе мне кажется, что роль социологии выходит уже за рамки декоративные, и в большей степени начинает приобретать какой-то функциональный смысл через описание этих групп. Не каждая из этих групп обладает своей субъектностью, не каждая из них может сама сформулировать свой запрос по стратегированию. Соответственно, социология дает тот материал, который помогает сформировать картину будущего для этой группы. И таким образом вот этот процесс поднятия стратегирования с базовых этажей общества на уровни, где уже работают профессиональные команды по разработке стратегии, он как-то начинает проявляться.

Я здесь далек от оптимизма. Еще раз говорю, что мы и в этом процессе видим массу декоративных элементов и скорее виртуальных таких изображений того, что это происходит. Хотя решение уже принято, и нужно его просто как-то обосновать в форме диалога. Но тем не менее, как некий такой запрос, как некий тренд это всё же возникает.

Если это пойдет дальше, если это начнет развиваться, тогда функция социолога будет становиться менее сервисной, менее служебной, и она будет в гораздо большей степени влиять на процедуру принятия решений.

Вот, собственно, наше понимание ситуации. Оно, конечно, может быть оспорено в рамках дискуссии. Но мы хотели бы из него сделать некую стартовую платформу для разговоров в рамках нашей секции. Спасибо.

Модератор: Спасибо, Алексей. Я расскажу быстро о регламенте и предоставлю слово первому спикеру. На выступление у нас отведено 10 минут. Дальше я дам возможность задать один-два вопроса на понимание. Комментарии в процессе давайте прибережем на конец, на дискуссию. После всех выступлений у нас будет около получаса на то, чтобы высказаться, задать более расширенные вопросы, и обсудить что-то в аудитории. Мы также подготовим вопросы для осмысления, может быть, вы захотите как-нибудь к ним отнестись.

И я хочу первым пригласить Андрея Максимова – председателя комиссии по территориальному развитию местного самоуправления Общественной палаты Российской Федерации.

Максимов Андрей: Добрый день, дорогие друзья. Рад участвовать в такой представительной конференции социологов, которые осмысляют и исследуют нашу жизнь.

Говоря о моделях территориального развития, конечно же, прежде всего стоит сказать, что здесь большое поле деятельности для социологов. Потому что классификаторы этих моделей, принципы их работы совершенно неочевидны. Неочевидны для экономистов, неочевидны для юристов. Ну может быть, их в объеме понимают только социологи.

Еще раз повторяю, что предмет нашей дискуссии чрезвычайно сложен. И мне хотелось бы его максимально упростить и использовать такую совершенно не научную классификацию модели территориального развития, а посмотреть для начала, откуда идут импульсы этого городского роста в совершенно игривой форме, вспомнив притчу о семи философах, каждый из которых думал, откуда берется всё.

Мы помним, что первый философ Моисей сказал, что всё от Бога. И действительно, мы знаем случаи в российском опыте, к которому я буду апеллировать, когда, в общем-то, можно сварить кашу из топора, когда из ничего появляется импульс для развития того или иного сообщества, той или иной территории.

Самый известный и хрестоматийный, наверное, часто поминаемый все кейс – это Мышкин, когда одно название было использовано для того, чтобы раскрутить эту территорию, раскрутить этот маленький город, привести туда туристов, получить деньги для того, чтобы открыть массу музеев, получить лоббистские возможности для того, чтобы сделать остановку круизных судов, которые ходят по Волге.

Но что нужно здесь понимать, и что можно исследовать? Исследовать можно в таком случае на предэтапе, насколько такого рода каша из топора вообще возможна. Потому что кейс Мышкина практически никто не повторил, он возможен, наверное, только в исключительных, особенно в очень малых городках, где есть какая-то внутренняя энергетика. Которая, может быть, тоже дана от Бога. И нужно понимать после реализации этих проектов, какие побочные эффекты для больших, например, городов в их общественном сознании, в их дальнейшем общественном развитии в такого рода инициативы и проекты.

Для примера скажу, что когда в Ульяновской области возникла идея объявить город Ульяновск уже не только родиной Ленина, но и родиной Колобка и построить на этом какую-то индустрию, эта идея совершенно провалилась в силу абсолютной ее неадекватности, которая почему-то не была взята властью, не прибегших к услугам социологов.

Другой типичный пример, когда из ничего или из объективных процессов, которые идут вокруг, например, из даты рождения города можно получить вот такой импульс для роста. Это достаточно типовая история для российских городов, когда используется юбилейная дата, выбивается программа празднования, выстраиваются огромные инфраструктуры, разного масштаба инфраструктурные объекты.

Успешным этот опыт был, например, в Пензе, где действительно появился Дворец спорта, ледовый дворец, 10 бассейнов, ФОКи, драмтеатр, филармония с самым большим органом в России, кажется. Вот такая библиотека, которая указана на экране.

Но на что здесь социологу прежде всего нужно обратить внимание? На то, что часто такого рода инфраструктурные изменения идут несогласованно с жителями. Власти получают обратный эффект по отношению к себе. Потому что когда что-то вокруг, вы знаете прекрасно, меняется быстро, радикально и масштабно, чаще это вызывает протест. А консолидация возможна только тогда, когда с жителями это детально обсудили, и они воспринимают эту идею в качестве своей. Сразу скажу, что в Пензе с точки зрения дальнейшего развития событийного туризма и возможностью жителям пользоваться этими социальными объектами – всё хорошо. Ну, а как с точки зрения их восприятия – мы не знаем, потому что социологических исследований в этой части серьезных не проводилось.

Мы помним, что Соломон сказал: «Все от ума». Действительно креативная идея, одна идея, даже лежащая на поверхности, может быть тоже таким импульсом для развития. Здесь опять же хрестоматийный пример – это Великий Устюг, который на продвижение Деда Мороза и его вотчины, резиденции, получил огромный туристический поток.

Но какие здесь обратные эффекты? И какие здесь ограничения, установленные социологическим путем? Конечно же, этот туристический поток и вот это перепрофилирование города не всегда соотносится с городской идентичностью, с одной стороны. А с другой стороны, нужно понимать, что часто такого рода проекты имеют временной горизонт. Нам кажется, что вотчина Деда Мороза в Устюге это всерьез и надолго. И может быть, навсегда. Но в реальности мы понимаем, что сегодня в каждом регионе возникают свои вотчины Дедов Морозов регионального масштаба. И люди в них ездят чаще, и они вызывают больший интерес. Собственно, вот такое искажение имиджа и восприятие города внешними пользователями его услуг, конечно, не всегда соотносится с тем представлением о городе, которое имеют сами жители.

Вот, есть соседний город Тотьма с Великим Устюгом, который поступил еще умнее в логике Соломона. Используя то, что они находятся рядом с Великим Устюгом, они выстроили целую палитру брендов и представили целый набор предложений в области событийного туризма. Это «День русской Америки», «Фестиваль Морошки», «Школа путешественника Федора Конюхова». Они позиционируются как соль земли русской, как русская Америка, поскольку тотьменцы основали Форт-Росс. Но вот у них нет таких публичных эффектов, с одной стороны. А с другой стороны, туристический поток в некоторые годы превышает поток в Великий Устюг. И в общем, такого раздражения для жителей эти процессы развития там не вызывают.

«Всё от сердца», - сказал Иисус, как мы знаем. И, наверное, сердце связано с чем-то потайным, с традициями, которыми пользуются жители. Мы знаем примеры, когда на традициях строятся креативные индустрии. И хотя основной профиль города не замещается, но тем не менее, именно они выходят на первый план. Вот, Коломна с кластером «Коломенский посад», Невьянск со своей башней - яркие тому примеры.

Градообразующее предприятие, его максимальное включение, его консолидация с жителями может восприниматься как давление, может вызывать раздражение, но может давать качественные изменения городской среды и того спектра социальных услуг, которые получают горожане. Вот, Садко здесь не самый известный, но действительно яркий пример.

«Всё от любви», на самом деле в оригинале «всё от живота, и того, что ниже живота», сказал Фрейд. Но мы перефразируем красиво. От любви общества и власти, их взаимоотношений и разных интерфейсов. Здесь большие возможности дают электронные инструменты современные или организация дружелюбной среды, которая, собственно, позволила

Пикалево сделать из точки социального напряжения в город, где всё-таки сегодня развитие происходит гораздо гармоничнее.

Как мы помним, Эйнштейн в конечном счете сказал, что всё относительно. И поэтому задача социолога - понять, какие модели работают, какие не работают. И какие импульсы для развития, казалось бы, мощные и интересные дают позитивные, а какие среднесрочные или долгосрочные обратные эффекты. И я думаю, что весь социологический инструментарий здесь весьма полезен. Спасибо большое.

Реплика из зала: Андрей, у меня вопрос. У тебя все примеры построены на малых городах, за исключением Пензы. Это потому, что в малых городах такие эффекты достигаются наиболее быстро, потому что они более заметны? Или по каким-то другим причинам ты не рассматриваешь мегаполисы? Может, там растворяется просто импульс, в больших городах, и мы не можем вычленишь и концептуализировать так, как получается с малыми территориями?

Максимов Андрей: На самом деле, спасибо, Алексей, за интересный вопрос. Действительно, в больших городах мы видим другие процессы. Во-первых, сам большой город формирует массу импульсов за счет своей среды, за счет эффекта масштаба, за счет большей ресурсной обеспеченности, и собственно, привлекательности агломерации и их роль в качестве таких моторов для территориального развития построена именно на этом. Во-вторых, вот такого рода умные технологии – умные не в плане информационные, а в широком диапазоне – они, конечно же, развиваются в мегаполисах в микромасштабе, в масштабе района, в масштабе конкретного арт-комплекса, где-то конкретного предприятия малого бизнеса или не очень малого.

Тем не менее, случаи, когда город попадает в целом в орбиту тех или иных моделей, мы тоже знаем. Скажем, та же Пенза - это не самый маленький город, но в качестве иллюстрации примера здесь он попал.

Модератор: И предлагаю задать один вопрос на понимание из зала. Остальные – на дискуссию. Пожалуйста, только представьтесь для записи.

Русова Ольга: Ольга Русова, северный аналитический федеральный университет. Скажите, пожалуйста, вопрос на понимание. Вот вы сейчас говорили, о чем шла речь – о стратегировании территориальном, о брендинге территорий или о моделях развития территорий?

Модератор: Спасибо.

Максимов Андрей: Я понимаю некоторое ваше смущение тем, что в такой игривой форме смешались разные концептуальные и научные категории. Но бы всё-таки – вначале я об этом говорил, что в моей презентации показана роль некоторых импульсов, которые задают тот или иной ракурс модели территориального развития. Это не привязано к какой-то четкой социальной или социологической категории. Это не стратегирование, потому что стратегия гораздо более масштабна. Хотя некоторые из приемов, которые я там называл, они так или иначе могут стать ядром той или иной стратегии. Это не совсем о брендинге, потому что некоторые модели, связанные с продвижением того или иного бренда, и они в моей презентации были показаны. Но этим, конечно, далеко не всё исчерпывается.

Реплика из зала: Мне вот кажется, что Андрей такую вещь пытался прояснить в своей презентации. Часто в основе стратегии лежит некая первичная интуиция, некая метафора, которая потом развертывается в серьезную концептуальную проработку. Мы часто думаем,

что это рациональная конструкция, и забываем об этой первичной интуиции. Андрей как раз попытался вот этот уровень базовых идей как раз и систематизировать в своей презентации.

Модератор: Спасибо. Спасибо, Андрей. Я приглашаю следующего спикера – Наталью Трунову, вице-президента Центра стратегических разработок. Могу вам дать микрофон.

Трунова Наталья: У нас просто два представителя разработок. Я сразу Ольгу Гай приглашу.

Модератор: То есть вы будете сразу с Ольгой Гай выступать?

Трунова Наталья: Да, конечно.

Модератор: И Ольга Гай – тоже представитель Центра стратегических разработок, руководитель проектов направления «Пространственное развитие». У нас два спикера. Может, Алексей, немного потеснится? Или давайте, я дам Ольге второй микрофон. Отлично.

Трунова Наталья: Спасибо большое. Добрый день, уважаемые коллеги. Очень приятно находиться здесь, среди интересного профессионального сообщества. Центр стратегических разработок, на самом деле, крайне редко занимается территориальными стратегиями, он последние два года занимался стратегией развитием страны. Куча всяких исследований проведено в рамках данного мероприятия по разного типа проблемам, начиная от проблем общего образования, дошкольного образования, заканчивая проблемами работы нашей судебной системы и т.д.

Но речь даже мы будем сейчас вести не об этом, а действительно учет и возможности проведения подобного рода исследований в тех стратегиях, которые делаются уже в регионах. И вот Андрей рассказал про городские стратегии и города.

Я в свое время, до перехода в органы исполнительной власти тоже занималась разработкой разного рода документов, в том числе стратегией программ как региональных, так и муниципальных. Могу сказать, во-первых, у нас только относительно недавно появился 172-й Федеральный закон «О стратегическом планировании», где вообще необходимость хотя бы региональных стратегий становится необходимой. Есть четкая регламентация содержания подобных стратегий, обязательные элементы, которые регион должен выполнить. Вот что-либо спрашивать у населения или у стейкхолдеров, там ничего об этом не говорится. Документы могут носить формальный характер, а могут носить действительно интересный и содержательный характер.

Могу сказать, что вот с середины 2000-х годов до настоящего времени, конечно, меняется запрос в том числе и органов региональной исполнительной власти на подобные документы. Если середина 2000-х годов до 2010 – это были стратегии скорее с опорой не только на федеральные ресурсы, но и на самостоятельные такие ресурсы развития, то сейчас этими ресурсами развития обладают далеко не... то есть если раньше этими ресурсами обладало хотя 30% наших регионов, то сейчас ими обладают порядка 10-12 субъектов Федерации, если мы берем вот именно региональный срез.

Если мы говорим про срез муниципальный, там всё еще сложнее, поскольку у нас 95% уже муниципальных бюджетов сугубо дотационные. Поэтому главный стейкхолдер, на которого прежде всего, к сожалению, обращаться и региональные, и муниципальные власти вынуждено, это в большей степени вышестоящий уровень власти. И здесь мы имеем просто нашу такую институциональную систему, которая, с одной стороны, говорит, что стратегия – это симбиоз мнений. А с другой стороны, институционально мы загоняем наши

органы власти в ситуацию, когда, по сути, нужно правильно отразить в стратегии чаяния вышестоящего уровня.

Я специально так углубляю, поскольку это действительно сейчас крайне сложная и проблемная ситуация. Это высветилось окончательно в 2012 году, когда были первые «майские указы», и когда все региональные бюджеты, соответственно, и муниципальные были перегружены выполнением этих «майских указов». Поэтому даже если территория имела прекрасную стратегию, согласованную с населением, в которой принимали участие все и вся, к сожалению, практически все регионы были вынуждены в той или иной мере от этого отказаться. Это первый момент, который, на мой взгляд, нам необходимо учитывать, вот эту нашу правовую и институциональную развилку.

Что касается таких региональных стратегий, которые формируются сейчас, и новый всплеск стратегий, по всей видимости, будет с указом 204-м. Это указ Президента после Послания в прошлом году по нацпроектам. И сейчас те регионы, у которых уже артикулированы те нацпроекты, которые будут реализованы, сейчас как-то проводят апгрейд своих стратегических устремлений. Потому что – раз, и неожиданно для регионов у них возникает пример, как в Кемерово или Калининграде образовательно-культурный центр федерального уровня, который, честно говоря, у населения никто не спрашивал, хотят они или не хотят, будут они ходить туда или не будут.

То есть в этом смысле апгрейд будет. Но каким образом он будет осуществлен? Понятно, что, скорее всего, с учетом вот этих вот основных нацпроектов. Всем регионам, кстати, и дальше, видимо, муниципалитетам спустят новые показатели, которых нужно достичь, они сейчас все правятся. Некоторые регионы с удивлением обнаруживают, какое количество жилья они должны построить, сколько выпустить на экспорт чего-то там дальше и т.д.

Поэтому модели территориального развития в условиях жесткого государственного патернализма высшего уровня, он, конечно, всегда проблематичен. Поскольку люфта для вот этой свободы, на мой взгляд, у регионов и муниципалитетов остается всё меньше и меньше. При этом, конечно же, у нас в силу разных обстоятельств появляются новые субъекты развития. Это те самые интегрированные сообщества тематические.

Мы все знаем, Андрей привел много примеров, связанных с модельным брендингом территорий. Но в Иркутске, кто знает, существует целое движение «Фасадник», работающее с объектами культурного наследия. И то же самое существует в Самаре «Том Сойер фест». То есть, если раньше это были единичные примеры того, как сделали 1-2 объекта. А когда это уже превращается в реконструированные кварталы, то конечно же, мнение этого сообщества невозможно не учитывать. И по сути, оно формирует не просто облик города, а его будущность. И создает предпосылки для того, чтобы молодежь каким-то образом была интегрирована. Потому что в основном молодые люди там работают с этими объектами, чтобы они были интегрированы в эти социальные проекты.

Оль, передаю тебе слово.

Гай Ольга: Здесь я бы хотела обратить внимание на несколько аспектов в продолжение. Наталья Александровна очень хорошо в нашу тему ввела. А я хочу сказать о том, что публичное образование, коим являются регионы, которые как правило относятся к стратегированию, на самом деле, имеет еще и другие уровни. Потому что стратегирование это муниципальное образование. И сейчас в плане стратегического развития территорий соотношение тех или иных субъектов территориального управления, которые рассматривают стратегическое развитие с позиции связанности этих проектов, особенно в

силу их неоднородности. Например, городской округ и те муниципальные образования, которые являются сельскими или городскими поселениями, находящиеся в подбрюшии тех самых больших городов или небольших городов. В данном случае как субъект управления те же самые муниципальные образования выступают стейкхолдерами, они, конечно, тоже должны расцениваться в рамках единой стратегии развития территорий региона с совершенно разными интересами. И самое главное, что в этом случае население этих муниципальных образований при реализации тех или иных проектов, оно выступает здесь не просто со своим мнением. На самом деле, здесь при совпадении интересов конкретного стейкхолдера муниципального образования, допустим, возьмем некое сельское поселение со своим населением, достаточно малочисленным по сравнению с населением городского округа, которое решает вопрос о нахождении полигона мусорного либо мусоросжигающего завода.

И здесь как раз я хочу вам привести несколько примеров совершенно свежих, это примеры этого и прошлого года, насколько те же самые инвестиционные и стратегические объекты и проекты признаны таковыми формально. На самом деле, вызывали не просто противодействие на конкретных местах, а по большому счету, формально могут привести почти к нулю возможность реализации этих проектов.

Итак, в какой роли мы выступаем? В качестве жителя, в качестве лица, которое инвестирует в это, в качестве органа власти, когда решается вопрос, например, завода термического обеззараживания мусора. Поселение Барвихинское Одинцовского района, Подмосковье. Причем заметьте, действительно, конкретное поселение. Если идет речь о применении формальных механизмов, касающиеся референдумов, выявления мнения с помощью социологических опросов либо других методик, насколько возможно говорить об учете мнения этого меньшинства муниципального образования, потому что оно выступает явным меньшинством при реализации такого проекта.

Либо, например, строительство завода «Титан-Полимер» в Псковском районе Псковской области. При всём том, что этот завод должен быть заведен в особую экономическую зону и горячо любимую территорию как раз Натальи Александровны как человека, который реализовывал там проекты. Свердловская область, строительство сурьмяного завода, который предполагалось размещать в Дегтярске. Или, например, в Татарстане мусоросжигательный завод. Причем я могу сказать, что именно этот проект люди, которые непосредственно участвуют в реализации всех этих вопросов, говорят, что был вызван протест населения такой, которого даже в Подмосковье не было. При всём том, что это достаточно широко освещалось в СМИ. И вот это мнение меньшинства, и как с ним работать, и очень важный аспект, и роль социологических исследований, которые должны применяться на определенном этапе и стратегирования, и на определенном этапе реализации тех или иных проектов.

О том, что это должно изменяться со временем – это факт. И по большому счету, то, о чем говорила Наталья Александровна, все стратегии, которые создаются, они достаточно сжаты по времени их разработки и принятия. И это, увы, очень четко ставит вопрос о том, что те или иные исследования, прежде всего, социологические, могут исключиться из технологического этапа разработки самих стратегий. В свою очередь, они не просто должны быть включены, они должны трансформироваться с учетом тех технологий, которые требуются на сегодняшний день. И поэтому даже скрещивания условное с диджитал технологиями, которые позволяют выявлять мнение, тем более на уровне другого

пространственного аспекта, на уровне другого временного и более сжатого прежде всего аспекта – это уже потребность сегодняшнего дня.

Тем более, когда это вызывает не просто строительство того или иного проекта. Приведу пример, в котором мне лично удалось участвовать. И сразу могу сказать, что это история, которая растянулась на несколько лет. Это история управляемого сжатия и фактически ликвидация отдельного населенного пункта в пределах зоны газоперерабатывающего комплекса газпромовского на юге России.

То есть здесь вопрос не просто выявления мнения. А по большому счету, в те формы, которые принимаются в последующем и иногда манипулируются определенными стейкхолдерами для решения своих вопросов, то в этом случае та же самая прокуратура либо другие органы, которые именно подменяют выводы отдельно взятых исследований, стараются именно завести часть стратегического развития той или иной территории. При всем том – либо развитие, либо сжатие. Это две стороны одной медали, которые должны быть. Но именно само по себе мнение, представленное в меньшинстве, не решает задачу, установленную по большому кругу вопросов, которые кому-то кажутся более важными и более серьезными. То есть вот это соотношение единиц территориальных, пространственных, либо единиц, которые касаются определения мнения отдельно взятого человека, сообщества и прочих формальных вещей – это очень важно.

Еще один важный аспект, на который мне бы хотелось обратить внимание – это имитационность привлечения в создание стратегии тех самых групп стейкхолдеров, которые могут выявлять и фактически подменять решения, точнее необходимость и постановку каких-то задач в рамках разработки стратегии. Этот вопрос формальности участия тех или иных советов общественных, тех или иных палат или, так скажем, тех сообществ, которые фактически создаются властью для реализации либо обсуждения тех или иных вопросов управления либо при принятии стратегии в сокращенном режиме принятия, то этот вопрос тогда тоже начинает подменяться. И по большому счету, это всё прежде всего записывается в те риски, которые должны быть записаны в стратегии уже при реализации. И уже тогда мы четко понимаем, что это имитационность мнения, якобы учитывающаяся на первоначальных этапах, по большому счету превратит эту стратегию полностью в имитационную и никак не реализуемую. Это как раз тот самый документ, о котором говорила Наталья Александровна. Да, это просто формальность, и не более того. Вот именно эта трансформация со множеством этих аспектов и должна учитываться. Спасибо.

Реплика из зала: У меня один вопрос, наверное, к коллективному органу ЦСР. В прошлом году система столкнулась с рядом электоральных вызовов и сложностей. Вот сейчас в Петербурге идет достаточно непростая кампания у исполняющего обязанности губернатора Беглова. Построено это всё, опять же, на некоем предложении обществу умозрительных идей, которые иногда стыкуются, а иногда не стыкуются с интересами города и горожан. Поэтому возникает ряд таких достаточно курьезных случаев, когда вроде бы отличные действия приводят к негативным эффектам. Если бы допустить построение, в том числе на электоральном цикле вот такого диалога с обществом, с вовлечением и с попыткой вытащить из него собственное видение региона, оформить его и стать модератором этого процесса, вот такой подход при дефиците ресурсов, который существует, притом, что понятно, что уже не удастся выполнить все запросы, он бы мог существенно улучшить ситуацию со стратегированием и сделать население участником процесса?

Трунова Наталья: Спасибо. Я считаю, что Питер, где столкнулись с протестными всякими историями, там проблема не в том, что в стратегировании было что-то не так с точки зрения вовлечения населения. Прежде всего, главная ошибка, которая совершается - реализуются и обсуждаются большие грандиозные проекты, которые не изменяют жизнь той или иной территории. С федерального или регионального уровня кажется, что изменяют, а на самом деле нет. Вы можете спросить... Вот, вы переезжаете в какой-то город, и начинаете там жить. Что бы вы поменяли? Это модель? Модель. Я считаю, что она наиболее правильная.

Потому что тот разрыв и разлом, который произошел, например, в том же Владивостоке, где были самые активные потом истории, это разрыв между тем новым прекрасным федеральным проектом, который был сделан, мостом между ними и городом, который превращается в непонятно что. Ни освещенных улиц, ни дорог, в порту вот такая груда мусора. Это же очевидно. Об этом можно ничего ни у кого спрашивать, это видно. Это первое.

Второе – я могу сказать, что люди больше всего устали от всякого рода разговоров и стратегирования, особенно в некоторых регионах, в частности, в упоминаемом Санкт-Петербурге. У меня, как у бывшего жителя Санкт-Петербурга, и человека, часто приезжающего в этот прекрасный город, если начнется делаться хоть что-то, даже не стратегия, а вот за первые три года сделаем вот это - вот график. И реально пойдут и сделают. Всё.

И третий момент, который я хотела сказать: не бывает стратегии, на мой взгляд, я всегда стояла на этой позиции и сама разрабатывала, и сейчас я имею возможность участвовать только в тех стратегиях, которые сама планирую и участвую в их реализации. Я могу сказать, что стратегии ни у региона, ни у города быть не может. То есть может быть стратегия у органа власти, которая собирается ее реализовывать. Безусловно, так как это сложный объект и там много интересов, их нужно максимально постараться все учитывать. Но решения принимать и нести ответственность должен кто-то за это.

Точно так же, когда мы рассматриваем корпоративную стратегию, любую корпоративную стратегию, то понятно, что совет директоров - это тоже коллегиальный орган, будут принимать решения исходя из конъюнктуры рынка, из федеральной и региональной политики, там есть куча всего. Но всё равно решение принимается в отношении будущего компании, будущего города. Но кто-то эти решения должен принять.

И стратегия в этом смысле для меня это две базовые функции у любого стратегического документа. Это комплексирование разного типа знаний. И в этом смысле, конечно же, знание социологическое дает один из срезов этого объекта. А на самом деле, в чем сложность любого стратегического документа, здесь я абсолютно с Ольгой Юрьевной согласна, что сейчас, к сожалению, в силу того, что у нас постоянно нарушаются технологические процессы. И когда мы видим, что разработать стратегию за два месяца, это сразу понятно, что туфта, нарушается просто-напросто технология. Потому что у вас, чтобы произвести срез разного типа объектов, нужно минимум полтора-два месяца, провести и собрать модель для комплексирования - это еще два месяца. Это на первый этап. Причем если все будут заниматься только этим проектом. Это как все врачи знают, что самое главное – это диагностика. Не сразу ногу отрезать, а разобраться, почему произошла вот эта история. У нас никто сейчас практически этим не занимается. А зачем? В результате мы и получаем.

А вторая функция стратегического документа любого - это перевод этого знания в действие. И с этим тоже большие проблемы. Потому что очень многие стратегии, которые попадают

на стол, они очень интересны с точки зрения, можно сказать, одного или двух-трех этих срезов, а дальше непонятно, что с этим делать. А цели, как всегда, у всех одинаковые – за всё хорошее против всего плохого. Но зачастую это еще более сложная и невыполнимая функция во многих стратегических документах: что делать, когда и какими силами.

Гай Ольга: Я тоже буквально два слова прокомментирую. У нас проблема в этом и есть, что как раз у нас очень многие вещи зависят от электоральных циклов. И поэтому, увы, это совпадение или, точнее, не совпадение, мы с вами прекрасно понимаем. Приведу очень короткий пример, это из практики Всемирного банка, когда подготовлен проект инициативного бюджетирования и все эти вещи. Когда в отдельно взятых поселениях население решало, какие же проекты им реализовывать. При всем при том, что иногда делилось это мнение практически пополам того населения, которое участвовало в обсуждении этих проектов. Но самое главное, что мнение администрации было общепринятым по поводу того, куда пускать то или иное финансирование. Возможно, именно трансформация и такие механизмы, они позволят несколько сгладить не только в горизонтах отдельных избирательных циклов, которые тоже, кстати, сжимаются.

Модератор: Спасибо большое, коллеги. Уважаемая аудитория, принципиально вопрос на уточнение один есть необходимость задать? Или уже на время дискуссии? Спасибо. Хочу пригласить присоединившуюся к нам Марину Лепешкину, которая расскажет об очень интересном исследовательском кейсе, который был сделан совместно с группой «Циркон» - Игорь Задорин, я вижу, в зале, где-то в задних рядах. Сейчас мы включим презентацию.

Лепешкина Марина: Давайте, я пока начну рассказывать о том, что кейс правда необычный, потому что необычна сама территория, для которой проводились исследования. Это территория Соловецкого архипелага, которая долгое время имела вообще небольшое отношение к населению, поскольку населения там и не было – ни коренного населения, никакого другого.

И я начну уже рассказывать по презентации. Мы как раз первые слайды посвятили рассказу о том, как вообще сформировалось население, и постоянное коренное население на архипелаге. До XV века, на самом деле, архипелаг был практически незаселен. Естественно, там появлялись какие-то люди из прибрежных территорий для различных целей – охоты и рыболовства. В XV-XVII веке архипелаг стал активно обживаться монахами и к XIX веку достиг своего расцвета, когда монашеская община представляла собой уже несколько тысяч человек, к ним приезжало много трудников и паломников. И на архипелаге велась очень бурная хозяйственная деятельность. Это было, наверное, передовое место с передовыми технологиями: там были сухие доки, свои электростанции, они производили практически всё для обеспечения себя всеми необходимыми атрибутами быта монашеской жизни. У них были кристальные мастерские, кожевенные мастерские, саловаренные заводы, они сами производили свечи, очень широко было развито сельское хозяйство. Монахи из такой земли смогли сделать плодородный регион. В их ботаническом саду выращивались даже арбузы и прочие экзотические фрукты.

Но всё это не имело никакого отношения к населению. И на самом деле, только после эпохи Соловецкого лагеря, когда лагерь был уже расформирован, на архипелаге стало появляться постоянное население, которое представляло собой сначала сотрудников сельскохозяйственного производства, затем это была воинская часть. И к середине текущего века образовалось, собственно, считающее себя коренным, население данного архипелага.

И почему же взгляды нашего правительства и многих институций были обращены в настоящее время к проблеме Соловецкого архипелага? В 1991 году Соловецкий архипелаг был признан объектом всемирного наследия ЮНЕСКО. И, соответственно, ЮНЕСКО стало обращать большое внимание на вопросы его развития, сохранения и в том числе участия населения во всех этих процессах. И стало понятно, что население никто и никогда не изучал, что его роль в воссоздании объектов культурного наследия либо поддержания традиционного уклада жизни также была не ясна. И ЮНЕСКО для сохранения статуса объекта всемирного наследия обязала Российскую Федерацию разработать ряд документов, которые бы показали будущие шаги по сохранению развития этой территории и её отдельных объектов. И одним из таких документов стала концепция развития и сохранения Соловецкого архипелага. И отдельно также разрабатывается специализированный документ, имеющий отношение к Министерству культуры – это границы достопримечательности религиозно-исторического места.

И в рамках разработки концепции оказалось, что статистических данных либо данных вообще про население тоже практически нет на архипелаге. Есть формальные статистические данные, но никто и никогда не спрашивал этих людей, кто они и зачем там живут. А ситуация на архипелаге с точки зрения организации жизни достаточно специфическая, несвойственная всем территориям. Поскольку территория отличается большой сезонностью, и очень короткий период навигации, когда возможно добраться несколькими видами транспорта до архипелага. И когда приезжает достаточно много паломников, естественно, в этот момент всё местное население занято обслуживанием туристических и паломнических групп. И дальше происходит естественная сезонная миграция населения на материк, и оно существенно сокращается.

В настоящее время на архипелаге проживает порядка 950 человек. И в рамках разработки концепции Игорем Вениаминовичем была проведена очень большая работа, в которой он раскрыл очень многим глаза на состав, структуру и мировоззрение местного населения. Поскольку даже разработчики многих документов, приезжая на архипелаг, считают, что местное население – это те люди, которые очень поддерживают монастырь, и не просто так они приехали туда жить в таких сложных условиях, когда они 6 месяцев с трудом выбирают на большую землю. Но на самом деле выясняется, что это не совсем так.

Один из первых вопросов, который был задан жителям Соловков, зная все эти сложные условия проживания: насколько они удовлетворены своей жизнью? И оказалось, что 72% удовлетворены. И 16% удовлетворены положением дел на архипелаге. И на вопрос, а что же является негативной оценкой на данной территории, многие отметили высокие цены. И это действительно так. Это связано со сложностью завоза продуктов, транспортная составляющая. И это большая проблема в этом году, очень серьезной она была в течение зимнего периода, и сейчас продолжается. Больше половины – 58% - сослались на жилье. И наши обследования показали, что действительно очень большая доля жилья находится в аварийном состоянии. Отсутствие интернета для половины населения тоже является большой проблемой. Но это в целом вопросы инженерной и транспортной инфраструктуры. И всего лишь 14% населения признают проблемы, например, разрушения памятников культурного наследия, церквей и прочих объектов культурного наследия.

Следующие вопросы, которые интересовали исследователей и нас тоже: а кто же это – местное население? Чьими потомками являются эти люди? Оказалось, что 85% населения проживает больше 10 лет на данной территории. Но при этом 46% не хотят, чтобы их дети оставались на этой территории. И мы видим по исследованиям и по запросам данных по

школам и детским садам, что после 9-го класса идет резкое сокращение количества учеников в школе. То есть люди стараются отправить детей учиться уже на большую землю. И очень мало кто возвращается работать на архипелаг.

По социальной активности больше 70% людей поддерживают различные субботники, помощь попавшим в трудную ситуацию своим односельчанам. Но при этом помогать монастырю готовы всего лишь 16% населения. И здесь, опять же, вопрос, что вроде бы территория знаковая именно этим объектом, при этом население себя с этим объектом не особенно даже и ассоциирует.

Дальше был интересный вопрос, который касался того, как оценивают вклад населения в развитие данного архипелага? И многие отметили большой вклад Соловецкого музея-заповедника. При этом, например, вклад монастыря и администрации в развитии территории оценивается примерно одинаково. Что тоже вызывает вопросы, насколько адекватно восприятие такого памятника у себя под боком, и роль администрации.

Соответственно, у нас возник вопрос: как же можно изменить эту ситуацию на архипелаге? Потому что одним из разделов концепции является в том числе и разработка экономической стратегии, и что с этим делать. Потому что в текущем положении архипелаг является полностью убыточным. На всем архипелаге зарегистрировано всего лишь 57 юридических лиц. Понятно, что большая часть людей официально работает в основных муниципальных предприятиях и в музее-заповеднике. И стало понятно, что муниципальные налоги, которые остаются на территории, не покрывают вообще расходов бюджета. И больше 80% - это субсидии и дотации по различным статьям.

И то, что было обсуждено со многими экспертами – это необходимость возрождения традиционных видов деятельности, которые были на пике развития монастыря в XVII-XIX веке. И самое главное, активное привлечение к участию в этих мероприятиях. В том числе это позволит обеспечить их занятость, повысит их доход. Здесь разработан уже достаточно большой комплексный пакет предложений для ведения особых экономических условий на территории архипелага, про различные социальные льготы для тех, кто собирается открывать там свое дело. Потому что из всех ИП, которые там зарегистрированы, их всего 8 на весь архипелаг, и то, что проходит у нас под кодом классификации «Научная и техническая деятельность» - это единственный человек, который делает фотографии для документов. Понятно, что население всё-таки не заинтересовано и не проинформировано во многих случаях о тех видах активности, помощи и бизнесе, который они могли бы вести на территории архипелага.

Возрождаемые виды деятельности вы можете увидеть на экране. Это в основном всё, что связано с сельским хозяйством, традиционным производством, животноводством, рыболовством, и разведением, добычей и производством продуктов из ламинарии – что является визитной карточкой архипелага. Так выглядит архипелаг в годы его расцвета. Картинки текущего положения мы вам показывать не будем, чтобы не расстраивать. Сейчас активно обсуждается с фондом поддержки развития Соловецкого архипелага с Министерством культуры мероприятия по вовлечению населения, чтобы можно было в ближайший сезон опробовать и вовлекать население в активное участие в жизни архипелага.

Модератор: Спасибо большое, Марина Николаевна. Так как коллега будет вынуждена нас покинуть скоро, давайте сейчас отведем побольше времени на вопросы сейчас.

Реплика из зала: Скажите, а сама готовность населения к участию в возрождении, к народным промыслам, к развитию бизнеса, она как-то тестировалась? Насколько они готовы подхватить ваши идеи?

Лепешкина Марина: На самом деле, тестировалась путем опроса. И его результаты, честно говоря, плачевны. Потому что все, кто готовы поддерживать и развивать, оказались не жителями архипелага.

Реплика из зала: Получается, что идеи хорошие, но механизм реализации непонятен?

Лепешкина Марина: Да, пока еще непонятен до конца. Потому что даже простой вопрос ко всему персоналу гостиницы: «Расскажите, а что вы делаете зимой?». Оказалось, что весь персонал гостиницы это люди, которые живут на материке, и приезжают работать только на сезон. А местное население не заинтересовано в такой работе, поскольку у них есть достаточно большой пласт необлагаемой налогами деятельности.

Модератор: Спасибо. Еще вопросы? Представьтесь, пожалуйста.

Гульнура: Гульнура, Таджикистан. У меня вопрос, у вас там было 72% удовлетворенных, а потом перечень тех направлений, по которым не удовлетворены. Это получается, 28% назвали вот эти все проблемы, да? Или наряду с этим удовлетворены?

Лепешкина Марина: Наряду с этим. То есть несмотря на отсутствие центрального отопления, канализации и всего прочего, люди не уезжают с архипелага. И там очень разные возрастные группы, не только старшие.

Реплика из зала: Как объясняют, что сами не уезжают, но хотели бы, чтобы дети уезжали?

Лепешкина Марина: Сами не уезжают, потому что необлагаемый налогами доход по сравнению со всеми доходами в России очень высок, честно говоря. Но при этом все понимают, что с каждым годом меры контроля ужесточаются. Поэтому они понимают, что дети, может быть, не смогут так безналогово продолжать перевозить туристов.

Модератор: Спасибо. Еще вопросы? Спасибо большое, Марина Николаевна.

Мы плавно перешли от стратегии к уже исследовательским кейсам. И я хочу пригласить Дарью Радченко, КБ «Стрелка».

Радченко Дарья: Добрый день, дорогие коллеги. Сейчас мы откроем презентацию, пока я представлюсь. Меня зовут Дарья Радченко. Я представляю Центр городской антропологии КБ «Стрелка». Мы не совсем, как вы понимаете, в тему социологической конференции, но близкородственные социальные науки.

Я расскажу об одном кейсе, который, как мне кажется, очень ярко проявляет некоторые сложности и болевые точки проведения подобных исследований в городах.

Что это будет за кейс? Это кейс небольшого города Юрьевца на Горьковском водохранилище. Город Юрьевец на 7 тысяч жителей. Не знаю, насколько вам видно отсюда изображение на слайде. Относительно исторический, на самом деле, древний город, с хорошей и богатой историей, в основном с исторической застройкой XIX века, и на горе XX – уже после затопления части города Горьковским водохранилищем. Как я сказала, 7 тысяч жителей и ни одного крупного предприятия, за исключением швейного цеха. Летнее население города почти в два раза превышает зимнее население города. Что это значит? Что большая часть молодого населения давно из города уехало, приезжает туда навестить родных. В городе остаются сервисные индустрии, в городе остаются административные и бюджетные сферы. И пенсионеры. Школьники уезжают немедленно после окончания 9-11

класса, и так же редко возвращаются. В этом плане кейс очень близок кейсу Соловков. Здесь нет памятников ЮНЕСКО, есть памятник федерального значения - ансамбль Вхотоиерусалимский. И, в общем-то, всё. Некоторое время назад в Юрьевце останавливались прогулочные теплоходы, шел тонкий ручеек туристов. Несколько лет назад не стало и этого. Город стал довольно депрессивным.

Теперь следующий шаг, в 2008 году открывается первый фестиваль Андрея Тарковского «Зеркало». Часть этого фестиваля проводится в Юрьевце. Юрьевец немедленно оживает, кто-то начинает скупать недвижимость в нём. Но фестиваль не оправдывает своих ожиданий. Постоянного потока пользователей, туристов, инвестиций, бизнесов не происходит. И город обратно погружается в ту же ситуацию практически, в которой он был до создания этого фестиваля. Оказывается, что имя Андрея Тарковского не может стать таким важным триггером для подъема туризма.

И вот в прошлом году мы получаем заказ на разработку стратегии благоустройства и развития части территории города Юрьевца. И базовое предположение, с которым к нам выходит заказчик, звучит примерно следующим образом: «А давайте здесь создадим такую российскую Ибицу. Здесь есть вода, здесь есть зеленые зоны, прекрасные природные территории – давайте здесь устраивать большие музыкальные фестивали для молодежи, понастроим экономических гостиниц, получим большой поток, аналогичного места для молодежи в Ивановской области нет. И кажется, наверное, на всём протяжении северного течения Волги.

Поэтому задачей нашего исследования было, во-первых, понять, а что на самом деле нужно городу Тарковского и можно ли его превратить в российскую Ибицу? Где конкретно проводить эти работы по благоустройству? И вообще понять, что происходит с туризмом в городе Юрьевце здесь и сейчас. Как его можно поддержать?

Методология антропологическая – это полуструктурированные интервью, включая стационарное включенное наблюдение и цифровая антропология. Я не буду здесь вдаваться в антропологические подробности. Но буду, естественно, рада вопросам.

А вот теперь очень коротко, потому что у нас мало времени, по выводам из того, что мы нашли. Прежде всего мы как всегда обращаем внимание на идентичность, а что же это за город, что же это за место такое. И в общем, довольно предсказуемо оказывается, что для местных жителей Юрьевец - это прежде всего город, который слит с природой. Вот эта природная составляющая оказывается для него ключевой. Горьковское водохранилище – это ключевая ценность людей, которые здесь живут, не обращая на него внимания каждый день. Вот здесь, пожалуйста, цитата, наверное, не видно с задних рядов: «Меня море в Крыму не воодушевило, потому что у нас собственное море такое же». Это очень хорошо описывает отношение местных жителей к тому, что происходит вокруг Юрьевца.

Что еще? Юрьевец воспринимается как некая машина живой истории, как город, в котором сохранилась историческая застройка, сохранилась историческая среда – тихие улицы, купеческие особняки XIX века, каменные мостовые. И как они говорят: «Конечно, можно сравнивать с Плёсом, там, допустим, многие сравнивают с Плёсом. Но у нас лучше, чем в Плёсе, по одной простой причине – потому что город, как мне кажется, живее, чем Плёс».

И наконец важный тезис, который тоже выдвигают практически все наши информанты – это город свободы быть собой, город самоопределения, проявления себя. Тоже прекрасная

цитата: «Я думаю, что в Юрьевце становятся сами собой. Личина, которую люди надевают сами на себя в городах, она здесь спадает, потому что здесь энергетика такая».

Итак, город про природу, про тихую рефлексию о себе, о саморазвитии, проявлении своей внутренней силы, своей внутренней идентичности. В общем, наверное, эта позиция достаточно серьезно противоречит первичной гипотезе о «российской Ибнице», шумной, молодежной, модной, с большими потоками экономических туристов и пива.

Кроме того, были выявлены некоторые ключевые территории, на которых происходит какая-то общественная жизнь города, и они не всегда оказываются совпадающими с теми представлениями о городе, которые были у городской администрации. Потому что предполагалось, прежде всего, проводить программу благоустройства на центральной площади. Но оказывается, что для горожан гораздо важнее парк и территория, на которой разбивается воскресный базар – одно из главных культурных мероприятий. Вообще в городе только 2 типа культурных мероприятий программ: это воскресные службы в храмах и воскресные базары. Всё остальное сугубо нерегулярное, даже кинотеатры в городе Тарковского.

Были выявлены актуальные категории туристов, из которых самая важная – это рыбаки, приезжающие в основном для подледного лова зимой, и ностальгирующие мигранты, которые приезжают на День города для того, чтобы встретиться со своими одноклассниками, родственниками, друзьями и т.д.

Были выявлены очевидные трансферные проблемы, которые лимитируют развитие туризма в город. Прежде всего транспортные проблемы, связанные с водным транспортом, с дефицитом общественного наземного транспорта как межгородского, так и внутригородского. Дефицит городской навигации, информирование, низкое качество среды, отсутствие туристических сервисов. И еще приведу одну цитату из наших информантов: «Музейные работники говорят, что мы обзорные экскурсии поводить не будем, потому что не айс. Мы по церкви пройдем, а дальше нечего вести и что показывать».

И всё это совершенно прекрасно, пока мы находимся в такой ситуации антропологического осмысления города. Но второй момент оказывается гораздо более сложным и интересным – это взаимодействие заинтересованных в развитии города групп. Эта схема сознательно и серьезно упрощена для сохранения анонимности наших информантов, потому что это очень чувствительный кейс. Но в городе оказалось, как минимум, две группы активистов с довольно расходящейся повесткой, и очень разными взаимоотношениями с другими официальными институциями, с культурными учреждениями, с городской властью, администрацией, с локальными бизнесами. На этой схеме мы можем видеть, какие между ними сложные отношения. В этой ситуации социальные исследователи, будь то антрополог или социолог, как я полагаю, находятся в состоянии такого медиатора между всеми этими группами. Мы должны взять повестку всех этих групп в единый пучок значений и вытащить из него то, что ключевое для всех этих групп, а с другой стороны, вытащить чувствительные точки, на которых может возникнуть конфликт.

Но еще одной проблемой социального исследователя оказывается перевод результатов этого исследователя на языки всех заинтересованных участников процесса стратегического развития. Это не только те стейкхолдеры локальные, которых я только что показала. Это и заказчик, и собственно разработчики стратегии, это и архитекторы, которые разрабатывают благоустройство. И в общем-то, для этого тоже применяется целый ряд стратегий для того, чтобы эти результаты оказались понятны.

И для того, чтобы сократить эту историю, просто покажу то, к чему мы пришли. Вот таким образом был создан генеральный план благоустройства с учетом тех интересов и требований, которые удалось выявить, и согласовано предварительное видение проекта благоустройства в городе, в том числе на основании предложений жителей города, активистов, культурных деятелей, которые с нами любезно поговорили, поделились своими идеями. И в общем, здесь, мне кажется, Юрьеvec оказался кейсом с одной стороны довольно сложным, с другой стороны, кейсом, которым мы можем гордиться. Потому что это уникальный случай, когда на общественных слушаниях, куда собрались все группы стейкхолдеров, вот эта концепция и визуализация стратегии благоустройства ключевых общественных пространств была поддержана единогласно. Спасибо.

Модератор: Спасибо большое, Дарья. Вопросы?

Заботских Наталья: Заботских Наталья, директор ООО «Сириус консалтинг». Я не знаю, в курсе вы ситуации или нет, я хотела бы привести и спросить по развитию проекта в городе Ижевске. Там тоже КБ «Стрелка» занималась проектированием благоустройства города. Но там как раз обратная ситуация, с чего как раз начали и презентовали этот проект. 19 июля 2018 года в компании началась презентация с центральной площади города. Собственно говоря, она и есть душа этого города. Это мой родной город, поэтому я в курсе ситуации. И насколько мне известно, там как раз было очень слабое взаимодействие с жителями по вопросу как раз благоустройства и видения территориального развития. Потому что в городе действительно сильны и по сей день урбанистические настроения, там целый ряд групп.

В общем, предложение, которое просто взорвало весь город – это вырубить деревья на центральной площади. И процесс идет. Он идет медленно, но вырубка началась в прошлом году. И вот опять же, о взаимодействии с группами, то есть сам по себе механизм взаимодействия с группами и пример необходимости проведения качественных и количественных исследований. А с другой стороны, знаете ли вы что-то по проекту? И как велось взаимодействие со всеми этими группами? Потому что это во многом переключается с технологией работы по Юрьеvcу.

Радченко Дарья: Спасибо большое за этот вопрос. Это как раз очень хорошая иллюстрация подводных камней, о которых я только что говорила. К сожалению, я не вовлечена глубоко в проект в Ижевске, поэтому боюсь, что не смогу какие-то детали рассказать. Но это очень хороший кейс и ситуация, которая показывает, как все стейкхолдеры должны делать друг другу шаг навстречу в этом процессе. Это и исполнитель, и заказчик, администрация, горожане и т.д. У нас иногда возникают ситуации, когда мы доносим до определенного этапа какие-то решения, они наталкиваются на интересы других стейкхолдеров, которые просто не сдвигаются. Такое тоже бывает. Это процессы взаимодействия и взаимных ожиданий с одной стороны, и взаимных движений. Потому что только КБ «Стрелка» и город сами по себе ничего не могут. Есть группы интересов, у которых есть какие-то свои представления.

Что касается того, как это всё в принципе устроено. В хороших правильных случаях, которыми можно действительно гордиться, любое проектирование начинается с процесса социального исследования, в котором мы проводим глубинные интервью, проводим исследования при помощи цифровой антропологии. Когда это необходимо, проводим свои опросы. После этого проводится серия мероприятий с жителями города по стратегическому планированию – воркшопов, сессий, семинаров и т.д. Иногда, к сожалению, это в условиях дефицита прежде всего времени и внешнего прессинга, приходится ограничивать

небольшим рядом мероприятий. Иногда оказывается действительно так, что жители оказываются лицом к лицу с уже практически готовой концепцией, и уже мало какие изменения в нее могут внести. Такое, к сожалению, тоже бывает.

В случае Ижевска, я думаю, что произошло именно это. Другое дело, что с вырубкой деревьев - это вообще такой чувствительный процесс. И к нему необходимо подходить, обладая некоей полнотой информации, которой, опять же, у меня нет. Но в очень большом количестве кейсов возникает ситуация, когда рубка деревьев связана с двумя процессами - прежде всего, со старением самого фонда зеленых насаждений. Деревья, к сожалению, не вечны. Их надо заменять, и это всегда болезненный процесс. И второе - это раскрытие архитектурных панорам, архитектурных перспектив. Здесь тоже могут быть ситуации, когда хоть какие угодно деревья, но лишь бы они были. А кто-то хочет поддержать исторический облик города, раскрыв в том числе и виды на архитектурные памятники. Такие ситуации тоже бывают.

Модератор: Спасибо, Дарья.

Реплика из зала: Дарья, следующий вопрос: у вас в докладе отмечалось, что Юрьеvec - это город Андрея Тарковского. А в своем исследовании вы задавали вопросы, какая часть граждан города Юрьеvec реально знает и реально уважает творчество Андрея Тарковского?

Радченко Дарья: Большое спасибо, это совершенно блестящий вопрос. Что называется, вопрос не в бровь, а в глаз. Потому Тарковский жил в городе Юрьеvec относительно недолго, знает о том, что он там жил, и история его творчества связана с этим городом, наверное, подавляющее большинство горожан, с которыми мне удалось поговорить. Но позитивное отношение и понимание его творчества - это не так часто встречается, как хотелось бы. Этот город - также родина режиссера Роу. И вот к режиссеру Роу там отношения гораздо более яркие.

Модератор: Спасибо. Я приглашаю следующего спикера, Дмитрия Лисицына. Дмитрий Лисицын, ЦСП «Платформа», руководитель направления «Общество, власть». Дима, прошу.

Лисицын Дмитрий: Коллеги, добрый день. Я расскажу о нашем опыте, о проведении исследований для стратегий, в том числе в рамках подготовки каких-то элементов самих стратегий. Сейчас презентация загрузится. За период с начала прошлого года «Платформа» проводит 5 проектов в различных городах, связанных с самими стратегиями или проведениями для них каких-то исследовательских работ. Активную роль в этом играет экспертный совет по малым территориям, который был сформирован в конце прошлого года, как и экспертизы, так, скажем так, формальные и неформальные своей поддержкой. Соответственно, немножко расскажу про сами проекты, про сам подход скорее сначала.

В центре такого начального подхода, то есть как некоторый посыл, мы исходим из того, что существует два разных вида целеполагания в отношении стратегии. Они во многом определяют, насколько она вообще будет реализована или не будет реализована. То есть можно смотреть на стратегии, это просто по опыту скорее, можно смотреть через ожидания, то есть это некий запрос на стратегию, который, во-первых, опирается на текущие проблемы. Вот у нас в городе есть некий набор проблем, как правило, это проблемы жилищно-коммунального характера, если уж честно. То есть каждый мэр в первую очередь пытается решить именно эти проблемы. Именно это является, в общем, в очень многих случаях основой стратегического видения. Соответственно, это горизонт 3-5 лет. Это такой подход, мы его называем ретроспективным. То, что все будущее - это некое

продолженное настоящее. Есть некий срез города, в нем что-то происходит. И все ожидания от будущего – это как оно будет развиваться дальше.

Есть другой подход, который не лежит на поверхности и который надо искать. Это подход к формированию цели через мечты, потому что город пытается, то есть в идеале, что это ориентация не на текущие проблемы, а на будущие проблемы. То есть как бы что с нами может произойти завтра, а не только что с нами случается сегодня. На всех стратегических сессиях мы проводим разные виды инструментов, то есть это и исследования, и стратегические сессии, как правило, мы спрашиваем, каким бы вы хотели видеть свой город в идеале. Далеко не всегда можно докопаться до какого-то внятного видения, понимания. То есть эти вопросы не являются, они не находятся в центре повестки, как правило. Горизонт, это не обязательно 20, но хотя бы 10 лет, но тем не менее, какой-то взгляд за текущий горизонт.

И подход объемный – это будущее определяет настоящее. Мы сейчас производим действия так, как если бы мы видели, что будет происходить с нашим городом завтра. Соответственно, это два разных подхода к стратегированию. Именно то, о чем сегодня очень много говорили, об имитационном подходе, были еще какие-то другие определения. То есть первое такое линейное стратегирование, которое крайне популярно в создании муниципальных стратегий. Я прошу прощения, забыл сказать, что сама презентация посвящена в первую очередь малым городам, потому что работаем именно в них.

Это я назвал отстраненный разработчик. Это не обязательно внешний разработчик. Это может быть внутренний разработчик. Но очень многие стратегии устроены таким образом, что четко видно, что связь между теми, кто разрабатывал, и ее результатами, отсутствие этой связи заложено в самой стратегии. То есть когда первые три года идет, например, небольшой рост, там первые 3-5 лет. А на следующий период вдруг внезапно происходит взрывной рост всех показателей. Это значит, люди, которые разрабатывали стратегию, не собираются дожидаться момента, когда она будет реализовываться. Соответственно, бывают разные опять-таки моменты, что два соседних района, например, имеющих одинаковую структуру экономики, на какой-то стратегический период один закладывает среднюю зарплату 35 тысяч, другой - 55. Ну, просто не смотрели. Как правило, в такой стратегии написано некое пошаговое движение к намеченным целям. Собственно, формой ответственности предполагается некий KPI, о чем я уже сказал. То есть это средняя зарплата, какие-то показатели, обязательно их надо довести.

Второй, здесь немножко пафосно сказано, самосбывающееся пророчество – это термин психолога Тимофея Нестика, который просто с нами часто работает. Это попытка запуска на территории какой-то внутренней истории, когда люди из самой территории, не обязательно власть, те же самые сообщества, находят это целевое видение, оно становится для них некой легендой на будущее. Поэтому здесь другие принципы - это сотворчество, это совместная реализация некоего многовариантного будущего. То есть это группы, они не просто участвуют в написании стратегии, они заранее намечены к исполнению каких-то ее частей. Вот мы знаем, что вот у нас есть стратегия развития культуры, вот эта группа, которая занимается, например, какой-нибудь замок, вот она будет в этом замке делать территориальный арт-кластер, она будет отвечать за то, чтобы вырос турпоток. В Каталонии очень ярко было продемонстрировано. И последнее, это некая коллективная ответственность за результат. Собственно, два разных подхода.

Теперь коротко по городам. Было пять городов – это Кронштадт, Санкт-Петербург, Нерчинск, Забайкальский край, Каргополь, Архангельская область и два города в

Калининградской области - Гусев, Черняховск. Моя презентация не ставит задачу сравнить пять городов, что-то обобщить и вычлениить. Скорее это немного рассказ о том, как исследовательская практика может вот на процессы, которые я описал выше, влиять. Может влиять, наверное, двумя способами. Исследователь может изменить подход самого внутреннего стратега к своей работе, когда в ходе исследования выясняется, что между ключевыми группами какие-то особые отношения. На самом деле, во время стратегической сессии она может давать и исследовательский материал, и некий проективный. Люди увидят, чего они друг в друге не понимают и сами начинают исправлять. То есть исследователь здесь такой катализатор-мотиватор.

Поскольку исследования были в чистом виде только в Кронштадте и Нерчинске, коротко про них. Сравнение. Кронштадт - часть Петербурга, Нерчинск – районный центр. Население - 4515. Производство в одном такое – судоремонт и такое немножко загибающееся пищевое в Кронштадте. В Нерчинске – это завод золото в районе, но не в городе, и пищевое производство. Природное окружение Кронштадта – море, у Нерчинска – степь. Городская среда – исторические памятники 19-20 века там и там. Инфраструктуры там и там изношенные.

Немного просто о том, как исследование позволяет изменить видение города, изменить видение территорий на свои приоритеты. Мы начали с количественных исследований. Наоборот, в Кронштадте изучали сначала сообщества и экспертную среду, потом провели количественные, потом еще раз опросили экспертную среду. Собственно, до результата мы видим, что как думает население. 51% считает, что город должен меняться, 37 – бережно сохранить свои традиции и оставаться таким, консервироваться. То есть довольно существенна и та, и та позиция.

Проекты развития. Спрашиваем жителей направления развития: какие направления развития наиболее для вас желательны? Видим, доминирует туристическая, историческая. То есть город будет исторический, туристический, еще и такая военная функция. По отдельным проектам видим, что проект, связанный с туризмом, в восприятии жителей начинает совсем доминировать. Далее мы идем к экспертам и видим, что вот такая однозначная редукция к туристическому направлению, во-первых, встречает сложности, потому что город имеет довольно сильную инерцию своего развития, ее, в общем, сложно поменять. Второе в том, что реализация какого-то крупного проекта будет наталкиваться на опять-таки вот эту инертность среды. А в отношении долгосрочного будущего стратегический диалог, но дело еще не организовано, еще не говорили о том, каким Кронштадт должен быть через 20 лет. И поэтому предлагаемые образы, один считает, что в Кронштадте можно сделать, некоторые считают, что можно вообще все сделать, другие говорят, что почти ничего. Далее смотрим, сравниваем разные образы и видим, что, кроме туризма, есть еще и сочетаемость разных образов. Это вот и рекреация, элитный пригород и город для «серебряного возраста». То есть, кроме туризма, есть еще несколько направлений, которые необходимо развивать.

Последняя история – история Нерчинска, постараюсь за одну минуту. Это город в Забайкальском крае, который тоже начинался с такого очень глубокого погружения в тему туризма. Понимаем мы его тоже достаточно традиционно. Проведение этого исследования очень много всего вскрыло. Но тем не менее, по итогам стало понятно, что за счет одного туризма он жить не сможет, в принципе, тем более, что туризм сокращается. Что необходимо развивать аграрные направления. И как раз по итогам эту работу, подумав, поговорив друг с другом, пригласив еще каких-то внешних консультантов, они все-таки

решили сделать ставку и на туризм, и на развитие вот этого аграрного направления, которое там было усилено. И соответственно, пытаться создать такой комплексный туристическо-аграрный проект. То есть это пример того, каким образом проведение исследования может поменять ход разработки вот этой стратегии. Спасибо.

Модератор: Спасибо. Очень короткий один вопрос Дмитрию из зала, если есть.

Реплика из зала: Вот у вас там на предыдущем, по-моему, слайде вы сравниваете разные образы, то есть вероятности попадания в дальнейшую стратегию развития города. Хотела бы уточнить, откуда вы эти образы брали? Из результатов опроса или откуда-то еще? Спасибо.

Лисицын Дмитрий: Да, совершенно верно. Мы сначала провели, во-первых, там два хода работы. У нас было какое-то предварительное представление, потом мы провели опрос экспертов и спрашивали, каким вы видите город, что в нем должно быть, что вероятно, невероятно. И уже на основе этого мы провели опрос населения, а потом уже вернулись с этими результатами на опрос обратно к экспертам.

Модератор: Я поясню. Там были результаты факторного анализа по набору большому переменных, связанных с оценкой отдельных проектов и отдельных направлений развития. Просто мы работали в некотором роде вместе. Спасибо, Дмитрий. Я хочу пригласить Евгению Анатольевну Когай из Курского государственного университета. Наш следующий спикер будет говорить о социокультурных основаниях регионального стратегирования. Пожалуйста, тогда начинайте, а я поставлю презентацию.

Когай Евгения: Уважаемые участники конференции, я благодарю, что мне предоставлена такая возможность. И вот пока ставят презентацию, пользуясь случаем, позвольте я хочу пригласить всех, кто сегодня принимает участие в нашей секции, на конференцию, которую уже второй год проводит ИНИОН РАН на базе Курского государственного университета. И тема как раз очень близка к тому, что сегодня мы обсуждаем, это «Регионы России, механизмы, стратегии развития». Если кого-то заинтересует, то после мероприятия вы можете подойти, я вам информационное письмо скину. Хорошо?

Итак, мой сюжет как раз связан с тем, что наша исследовательская группа, работающая прежде всего по методике социокультурного портрета региона, проводит достаточно такой серьезный мониторинг с 2006 года, который позволяет нам сделать достаточно серьезные выводы о том, что в Курской области, я сейчас буду говорить о Центральном Черноземье и в целом о регионах России. Мы говорим о том, что во всех регионах существует очень весомый социокультурный потенциал модернизационных преобразований. И в принципе, существуют определенные методики, вот атлас модернизационного развития регионов, который был издан совсем недавно под редакцией Николая Ивановича Лапина, как раз свидетельствует о том, что наши регионы как раз России в целом следуют вот этому тренду модернизационному, который свойственен всему цивилизационному миру.

Одновременно исследования наши показывают, что вот это вот развитие идет крайне неравномерно. И самый интересный такой момент, вот то, о чем с вами говорила Наталья Зубаревич, о том, что у нас существует четыре России. Я могу вам сказать, что в каждом регионе России мы находим все четыре России. И вот это бывает очень даже удивительно. Модернизационные процессы осуществляются фрагментарно, стихийно, точечно. И более того, с 2014 года все наши графики идут вот так вот вниз, чтоб вы знали. Вот это отслеживание графическое всех этих процессов очень разительно показывает.

У нас была возможность ознакомиться со стратегиями развития, которые были разработаны в середине первого десятилетия 20 века. И мы сейчас знакомимся со стратегиями, которые разрабатываются в регионах Центрального Черноземья. Могу сказать следующее. В 2007 году я сама лично присутствовала на принятии стратегии развития Курской области в Доме Советов. И хочу сказать, что эта стратегия для всех, кто там присутствовал, напоминала освоение космоса, космического пространства отдельно взятым регионом. То есть настолько все те послы, которые там были заданы, не сходились с реальностью, что даже в момент принятия стратегии зал на это очень четко реагировал. Хотя, казалось бы, разрабатывалась эта стратегия на базе одного из университетов нашего региона при непосредственном участии администрации области. 2014 год, опять же говорю, внес серьезные коррективы. И с этого момента во многих регионах мы видим идет разработка новых стратегий.

Что же мы сейчас видим? В Воронежской, Тамбовской и Орловской областях, последние мы условно причисляем к Центральному Черноземью, сегодня уже приняты стратегии развития до 2035 года. Причем я знаю точно, что в Воронежской области эту стратегию выстраивали сами представители научного сообщества региона, Орловская выстраивалась извне. Но в любом случае там уже идет достаточно активное формирование сред культурных, которые проявляют достаточно высокую заинтересованность именно в изменении сложившейся ситуации. Белгородская, Липецкая области пока не вышли вот на эти новые стратегии. Они продолжают реализовывать прежние и вносят в них коррективы.

Что касается нашей области, Курской, то в этом плане, на мой взгляд, она уникальна, потому как у нас уже подготовлена стратегия. Она была представлена в конце прошлого года. Разрабатывал ее РАНХиГС, причем Зубаревич Наталья из МГУ имени Ломоносова тоже принимала в ней непосредственное участие. К нам в регион пришел новый губернатор, врио губернатора. Его эта стратегия далеко не во всех сюжетах устраивает. И сегодня мы говорим о том, что идет активное обсуждение ключевых позиций данной стратегии, идут стратегические сессии. Вот у нас сегодня должна была проходить сессия. И в общем-то, на протяжении ближайшего времени эти сессии будут осуществляться. Ключевые акценты в ней – это человеческий капитал, промышленность, инновация, пространственное развитие, зеленый город, управление. Могу сказать, что эта стратегия уже выстраивается в соответствии с теми изменениями, которые связаны с «майскими указами» 2018 года. Понятно, да?

Вместе с тем, одновременно нам было дано задание провести фокус-группы: а что же ждут разные целевые группы нашего региона в рамках реализации новой стратегии? И мы отмечали приоритеты, актуальные проблемы, ближайшее будущее и задавали вопросы не стейкхолдеры, о субъектах стратегирования. То есть кто конкретно должен быть участником вот этого стратегирования. Обращаю ваше внимание вот на какой фактор. В мае месяце, когда мы проводили полевой опрос, мы задали этот вопрос в лоб: как вы считаете, уважаемые жители региона, кто должен отвечать за разработку стратегии? Я просто хочу обратить ваше внимание вот на что. Были названы руководители региона, были названы представители управленческой элиты разного уровня, были названы ученые, были названы общественники. Наше население не назвало бизнес. И вот честно говорю, это нас немножечко озадачило. Потому как я полагаю, что если без бизнеса мы будем это видение создавать, то ничего хорошего мы на выходе не получим.

Итак, что же в качестве приоритетов видят наши разные целевые группы? Прежде всего, научно-педагогическое сообщество: инновационный сценарий развития, аграрный сектор

должен получить новое движение, так как Центральное Черноземье – понятно, технопарки, новая индустриализация, рост заработной платы и, конечно же, на бизнес обращается внимание ими в первую очередь, развитие предприятий малого бизнеса. Общественники: благоустройство. Сегодня мы очень много говорили о городах и территориях. Трудоустройство молодежи, повышение качества медицинских услуг, обратная связь с властными структурами – один из приоритетов развития, и конечно, улучшение общей инфраструктуры. Далее, предприниматели: реализация стратегий роста, миграционный приток в регион. Если не будет в регионе людей, то с кем работать? Какие приоритеты мы вообще увидим? Благоприятный инвестиционный климат, трудоустройство, опять же, молодых специалистов и поддержка местных производителей для того, чтобы действительно их продукция имела выход на рынок внутри и за его пределами. И конечно же, молодежь: омоложение кадров администрации области. Хочу сказать, что это уже у нас происходит в регионе. Буквально вот последние месяцы это показывают. Трудоустройство, развитие сельских территорий, реставрация памятников культуры, обратная связь между населением и администрацией области. Обращаю ваше внимание, опять же, диалог общество – власть.

Что касается актуальных проблем социального характера, я их обозначать не буду. Я уверена, что эти проблемы характерны для очень многих регионов нашей страны. И наша область тому не является исключением. Единственное, я акцентирую внимание на последней строчке, это неразвитость гражданской инициативы и правовой грамотности населения региона, на что обращают внимание как раз наши целевые группы. Дело в том, что люди не умеют организованно очень часто отстаивать свои права. Организованно. Индивидуально у них это получается.

И самое главное, в ближайшее будущее в рамках регионального развития, на чем я тоже хочу здесь сделать акцент? Фактически все представители всех целевых групп говорили об одном. Мы хотим видеть регион таким, в каком бы нам хотелось жить и работать, и связывать с ним будущее наших собственных детей. И поменьше сравнивать наш регион с соседними регионами и с жизнью людей в других странах. Вот на чем акцентировали внимание те, кто принимали участие в наших фокус-группах? В рамках участия разработки стратегии, в рамках тактических шагов, в рамках идей все готовы к диалогу. То есть, в общем-то, важно, чтобы эти механизмы заработали, чтобы эти импульсы получили действительно такое адекватное потребление. Спасибо за внимание.

Модератор: Спасибо, Евгения Анатольевна. Дам возможность задать один вопрос, так как у нас очень жестко ограничено время. Есть желающие? Хорошо. Тогда приглашаю, спасибо большое, у нас еще будет возможность задать после, Яну Крупец из Центра молодежных исследований Высшей школы экономики в Петербурге. У нас вообще так была выстроена секция, вначале о стратегиях, потом кейсы. И мне очень захотелось, чтобы был специалист по молодежи, по тому, как молодежь захватывает городские пространства, по тому, как ее можно вовлекать в это, учитывать ее интересы. Потому что молодежь обычно в фокусе внимания любой стратегии. Я вот Яна об этом как раз расскажет. Прошу.

Крупец Яна: Спасибо большое. Здравствуйте, коллеги. Спасибо большое за приглашение. Это, скажем прямо, было неожиданно, но очень приятно. Я сразу, пока включается презентация, сразу оговорюсь о нескольких вещах. Я действительно здесь представляю Центр молодежных исследований. Мы в нашем Центре Высшей школы экономики вот уже 10 лет занимаемся самыми разными исследованиями молодежи. И молодежь на рынке

труда, молодежь и ее гражданственность, всевозможные молодежные сцены, молодежные культуры и субкультуры, по крайней мере, в том виде, в котором они есть сейчас.

Но сегодня для доклада я выбрала несколько наших проектов для того, чтобы скорее поставить вопросы, потому что сразу должна оговориться об ограничениях. Мы никогда не проводили исследования с целью того, чтобы разработать стратегию развития города. Поэтому я здесь присутствую скорее в такой как бы с перспективы самой молодежи, которую я здесь хочу озвучить. И с учетом того, что мы сегодня достаточно много интересно говорили о разных стратегиях, но как говорил Десертон: «на каждую стратегию есть своя тактика». Это тактики сопротивления, это тактики повседневной жизни. И фактически, несмотря на то, что на уровне управления, на уровне власти могут приниматься самые разные стратегии, до конкретной молодежи они могут не доходить с одной стороны. И эта, в общем, молодежь может быть параллельна стратегиям, которые разрабатываются. С другой стороны, и саму молодежь не слышим мы очень часто при принятии решений. А сегодня это звучало несколько раз, и это очень приятно, как раз разговор о том, что молодежь становится одним из тех агентов, кто, на наш взгляд, по крайней мере, начинает предпринимать самые разные шаги, самые иногда неожиданные шаги, которые непосредственно привязывают нас к городу.

Еще раз повторяюсь, что у нас не было никогда в исследовании, не стояла задача, собственно, подумать над тем, как называть Санкт-Петербург. Сегодня я буду говорить про Санкт-Петербург, хотя мы в разных городах проводили исследования. Но так или иначе, город возникал сам. И вот эта связка молодежи и Санкт-Петербурга, в котором она живет, в котором она пытается что-то делать, это появляется. И здесь моя задача как раз показать вот эти, может быть, примеры и обсудить с вами в дальнейшем их.

Вынесла самые такие распространенные стереотипы, с одной стороны. С другой стороны, подходы к пониманию молодежи, как молодежь – угроза, молодежь – объект контролирования и объект воспитания. И на самом деле, если мы посмотрим всевозможные программы, в том числе государственные, которые создаются и развиваются, стратегии молодежного развития, то очень часто вот это вот как бы такой объективный подход к молодежи транслируется еще с советских времен, несмотря на то, что мы наблюдаем определенные трансформации. Тем не менее, вот этот вот такой патернализм в отношении молодежи как группы, которую надо воспитывать, которой нужно прививать и развивать гражданственность, из которой нужно делать хороших горожан, правильных горожан. Это группа, которую нужно, возможно, рассматривать как будущий ресурс. Но это будущий ресурс. Это то, что когда-то наше государство начнет использовать или пытается уже сейчас использовать. Мы знаем множество государственных инициатив по развитию молодежи, которые станут кадровым резервом, например, и так далее. То есть разные дискурсы, разные проекты, которые могут здесь появляться. Но тем не менее, это такой очень объективирующий подход к молодежи, с одной стороны.

Если эта молодежь, которая не вписывается вот в это, как бы такая неправильная молодежь, которая не попадает в пространство управления и не становится вот этим объектом воспитания, эта молодежь очень часто превращается в угрозу. То есть это какие-то неформальные объединения, субкультуры, списки с которыми присылаются в университеты, чтобы учителя знали, какая она не та молодежь и что с ней надо делать в этой ситуации. То есть вот это между объектом воспитания и между угрозой молодежь туда-сюда дрейфует, и ее по-разному воспринимают. Но как раз это то, что мы пытаемся преодолеть.

В нашей работе и в наших исследованиях мы пытаемся пойти к этой самой молодежи и посмотреть, как она живет. Посмотреть, как она видит для себя эту жизнь, как она видит город, в котором она живет. Я, собственно, сейчас как раз три сюжета из самых разных наших исследований приведу. Первый сюжет будет связан с освоением городского пространства стикер-артистами. Не знаю, знаете ли вы кто такие стикер-артисты или нет. Это молодые люди, которые делают маленькие стикеры и расклеивают их по городу. Параллельно они еще могут делать большие стрит-арт произведения. Но для нас были интересны именно те, кто со стикерами получают удовольствие от этого вот.

Второй сюжет - у нас был большой проект, посвященный представлениям о гражданственности у молодежи, что значит быть гражданином сегодня. И третий сюжет - мы изучали рынок труда. И вот сейчас мы как раз начали изучать креативных предпринимателей молодых, таких, скорее с крафтовой направленностью. И вот эти три наших разных проекта в разное время деланных за разные деньги с разными целями, они так или иначе, мне кажется, актуализируют вот эту вот идею города и участия молодежи в городе.

Первый проект назывался «Digital news is the media city of Helsinki, St. Petersburg». Это был наш проект совместный с финскими коллегами. Мы пытались понять, как молодежь реализует свое право на город. При этом молодежь, я сразу скажу, что здесь мы не брали молодежь, целенаправленно занимающуюся или отстаивающую какие-то городские инициативы, связанные с сохранением старого Петербурга и так далее. То есть здесь мы смотрели просто обычную молодежь, у которой есть разные интересы. Я здесь говорю про один кейс - стикер-артисты, казалось бы, такая относительно невинная, здесь я ставлю «невинная» в кавычки инициатива по сравнению с другими граффитистами, например, или стрит-артистами. Но эта группа есть, это сообщество есть, оно достаточно активно. При этом оно интересно отличается от других сообществ стрит-артистов. И то, что мы здесь выявили, то, что, мне кажется, для нас может быть интересно, что мы сейчас обсуждаем. Мы поняли, что вот это то, что они делают стикеры и клеят стикеры по городу, является очень значимой социальной практикой. Они через вот эти стикеры осваивают город. При этом, что важно для стикерартистов по сравнению с другими молодыми уличными художниками, стикерартисты могут быть очень молодыми. То есть в это сообщество входят дети 11-12 лет, которые гуляют по городу, рисуют стикеры, клеят их, фотографируют, посылают свои фотографии, отмечают друг друга, обмениваются стикерами со всем миром. Здесь как раз «Почта России» очень важную роль играет. И это вот такое освоение города и присвоение его.

И более того, я думаю, что у многих их вас на ноутбуках есть стикеры. Есть у кого-нибудь стикеры на ноутбуках? Если у кого-то дома стикеры наклеены. И тем самым вот эта практика наклеивания стикеров, это очень, на самом деле, домашнее дело, это такое приватное дело. А эти молодые идут в город и, клея свои стикеры в городе, они делают город своим. Они делают безопасным, они делают его более привычным, они одомашнивают его через вот эту вот для кого-то, казалось бы, для кого-то вандальную практику. Это очень сильная эмоциональная привязка к городу, когда ты идешь, сфотографировал, потом тебя кто-то сфотографировал, и тебе пишут в чате по поводу того, что «а что ты делал в моем районе? Что в гости не зашел?»

Происходит освоение публичного пространства, про что я уже сказала. И вот это такое соединение глобального, локального, потому что эта практика оказалась гораздо выходящей за рамки Петербурга. Это такое можно говорить о российском сообществе

стикерартистов или о глобальном сообществе стикерартистов. То есть это вот такое, казалось бы, скажем так, для кого-то забава, для кого-то шалость, для кого-то нарушение закона – по-разному интерпретируют это. Но для наших информантов это оказалось очень значимым именно в их опыте освоения города.

Второй пример, который я хочу здесь привести, это два проекта у нас были посвящены исследованию гражданственности, исследованию социального включения молодежи в город. И мы посмотрели на, скажем так, две группы. Прежде всего, это молодые профессионалы в возрасте от 25 до 35 лет у нас были включены в исследования. То есть здесь уже молодежь старше. Мы пытались понять, что для них значит быть гражданином. И обнаружили, что у нас есть разные, для них существует большая разница между таким неким идеальным представлением о гражданстве, а с учетом того, что это гражданство предполагает какую-то активность, вовлеченность в действие и их собственной повседневной гражданственностью, которая определяется как «я не очень хороший гражданин, потому что прежде всего я концентрируюсь на том, что я занимаюсь своей работой, плачу государству налоги». Но при этом у них у всех появляется вот эта логика малых дел, когда мы что-то все равно можем делать, но на уровне как бы вытянутой руки.

И вторую группу уже через несколько лет мы брали. Мы изучали собственно активистов, которые так или иначе вовлечены в различные активистские инициативы. Это могли быть культурные инициативы, это могли быть городские инициативы, это могли быть политические инициативы, это могли быть природозащитные экологические инициативы. И тут мы поняли, что, в общем, вот этот активизм становится очень значимой частью географического проекта и не ограничивается только той сферой, в которой человек проявляет активность. Более того, это такая диффузная активность, которая предполагает, что ты активен во всем, во многом, в разном и инкорпорируется в их такую повседневную жизнь. Более того, существует такой разрыв, мы же опрашивали и родителей активистов, и мы обнаружили, что как бы понимание гражданства для родителей гораздо менее связано с активизмом, но при этом они очень поддерживают молодежь. И вот это такая как бы значимость делания чего-то и проблематизация городских в том числе проблем оказалась гораздо сильнее вот этого поколения более молодых до 25 лет, которые мы обнаружили.

И наконец, третий сюжет. Собственно, на нем я буду, наверное, заканчивать и подводить итоги. Мы исследовали работу, работу молодежи. И вот сейчас мы начали как раз изучать, до этого мы изучали наемных работников, сейчас мы изучаем молодых предпринимателей. И в общем, несколько тоже сюжетов, которые, казалось бы, не напрямую связаны с нашей сегодняшней темой, но тем не менее, для меня складываются в такую очень непротиворечивую картину, что случается нечасто в социологических исследованиях, поэтому это я сюда вынесла. Это представление о работе. Что такое работа? Какую работу хотят иметь молодые? И вот это интерес и деньги, про которые и мы уже давно говорим, и другие исследователи говорят, для поколения Y, для поколения Z, это вот комплекс того, что у нас должно быть для того, чтобы получать удовольствие от работы. И очень часто, если наемный труд не дает нам такой возможности получать интерес и деньги, молодой человек или молодая девушка идут и организуют свой собственный бизнес, чтобы вот эта вот связка у них присутствовала. Понятно, что это бывает с разной степенью успешности, насколько это получается или не получается, но по крайней мере, вот такая тенденция есть.

При этом очень сильно стираются границы между хобби и работой. И мы наблюдаем вот это свое стремление превратить хобби в работу и монетизировать каким-то образом. Идеи социальной значимости того, что ты делаешь. И мы здесь наблюдаем как раз целый

фактически новый сектор экономический, который сегодня мы можем говорить о возрождении крафта. По-разному говорят, в том числе это наблюдается, как бы это не только российский случай, когда мы говорим о появлении новых предпринимательских активностях или возрождении старых, которые сейчас культурными предпринимателями адаптируются, и им придается фактически новое рождение, новые смыслы. Это то, что очень сильно оказывается связано с представлением о гражданственности и с городом. И если брать тот же самый Петербург, Коломну – район в Санкт-Петербурге, то это вот рождение как бы новых инициатив, которые, не знаю, кофейня, но при этом она становится центром развития сообщества, в том числе привязанного к территории.

И все, что, вот эти разные примеры, которые, казалось, бы из разных областей, но подводят нас к некоторым итогам. Во-первых, если говорить о возможности включения в интеграцию молодежи, то, конечно же, необходимо снизить моральные паники и патернализм в отношении молодежи. Потому что мы наблюдаем в наших исследованиях, это такой очень активный агент и очень активный драйвер социальных изменений на микроуровне, который мы наблюдаем. И в общем, город развивается во многом как раз благодаря этим агентам.

Второе – это то, что сегодня вот это развитие, которое волнует на уровне стратегии, на уровне управленцев, те же самые вопросы волнуют молодежь во многом. И она как бы настроена на диалог с властью. Как раз у тех активистов, которых мы изучали, очень часто наблюдается вот этот вот дефицит и ощущение того, что власть не слышит, и при этом молодежь старается найти способы, чтобы быть услышанными, через разные акции протеста, через легальные способы взаимодействия, писания жалоб всевозможных. В этом смысле, что нас очень вдохновило и порадовало, молодежь становится очень компетентными агентами выстраивания коммуникаций. То есть она пытается играть по правилам для того, чтобы быть услышанными. И это было очень активно, очень сильно проявлялось, по крайней мере, среди некоторых активистов, которые были, в том числе, в поле политики существовали. И самоорганизация и креативность, которым можно позавидовать. В общем, мне кажется, здесь мы можем находить кучу всяких примеров. Я, наверное, на этом моменте закончу. Спасибо.

Задорин Игорь: Прошу прощения. Я бы хотел один аспект очень важный отметить, в связи с тем, что Марина Николаевна Лепешкина как раз не сказала про Соловки. Но у нас, на самом деле, универсально. Когда разрабатываются стратегии развития, Наталья Александровна правильно сказала, что стратегия должна быть приписана к субъекту, то есть субъект должен быть у стратегии. На Соловках получается так, что там нет одного однозначного доминирующего субъекта. И там фактически надо, я думаю, что это довольно распространенный случай, когда надо согласовывать интересы и фактически создавать, и конструировать вектор нового субъекта, который бы являлся таким вот согласительным, некоторого рода комплексным советом. Почему для Соловков это важно? Потому что там рассматривается вариант возможного Валаамского сценария, когда архипелаг полностью передается, например, РПЦ с выселением того самого населения, которое вроде бы не включено сейчас. И поэтому, а зачем оно там, если оно не включено как бы в монастырскую жизнь? И как бы незачем. И наше исследование подтолкнуло к тому, чтобы искать компромисс таким образом, что мы немножечко пытаемся РПЦ убедить к тому, чтобы они снизили некоторую свою как бы экспансию в соответствующее управление, социальное управление и так далее.

А с другой стороны, население каким-то образом через, вот то, что говорила Марина Николаевна, через вовлечение, например, в исторические деятельности, кожевенное производство, сельское хозяйство и так далее тоже подтянуть как бы к этому. То есть направить разных субъектов, а гражданское общество тоже является субъектом, навстречу друг другу. И в этом смысле стратегии иногда должны быть создаваться еще такими, которые не только ориентированы на одного конкретного субъекта, а создают возможность согласования интересов и содействия, соучастия разных субъектов. Вот такое маленькое замечание, которое не было сказано при представлении исследования. И к чему исследование, собственно, и подтолкнуло. Спасибо.

Модератор: Спасибо, Игорь Вениаминович. Да, ваш комментарий стоил десяти вопросов. К сожалению, осталось минус две минуты времени нашей секции. Мне писали из зала, что я очень мягко модеррую. Я приношу извинения. Но «Груша» на то и существует, чтоб вы немножко пытали спикеров в кулуарах, в коридорах ловили их и задавали вопросы. Я очень благодарна, что вы пришли. Мы хотим подготовить на основе того, что сегодня было сказано спикерами и вопросов, заданных вами, некий материал и разместить его на нашем сайте, где мы публикуем интервью с экспертами, результаты разных экспертных сессий, свои статьи, результаты исследований. Пожалуйста, заходите, читайте. Спасибо.